

Ольгу, о которой мне рассказывал Коля Сафонов в Чининге — он выпускал с ней бобров на реке Шоне. Другая его дочь, Татьяна, недавно окончившая университет, мне как-то больше приглянулась (по наивности я принял за «старшую дочь» молодую жену Скалона, аспирантку ИСХИ Т.Н.Гагину).

Сегодня (21 января) последний день моего пребывания в Иркутске — и слава Богу! Изрядно надоело, хотя было большой удачей попасть сюда. Все эти дни сидел во ВНИО, рылся в старых бумагах и журналах, слушал обсуждение вопроса об охотустройстве, дописывал и выправлял отчет.

Вчера последний раз побывал у Скалона. На столе у него стеклянная банка, в которой сидит маленькая лягушка. Сам он усталый и какой-то неприкаянный — ему не дали средств поехать в Ленинград на орнитологическую конференцию, все время настаивают на закрытии факультета, одолевают мелочными делами и заботами.

Талантливый ученый, он ясно видел, где и что у нас плохо или неверно, и говорил об этом во всеулышание. Будучи горячим по темпераменту человеком и обладая острым саркастическим языком, он не стеснялся резких выражений в адрес своих оппонентов, поэтому некоторые из них считали, что он может только ругать и хаять и не способен что-либо сделать. Между тем я не встречал человека более целеустремленного и деятельного, чем Василий Николаевич Скалон.

УДК 502 (091)

ВКЛАД ВАСИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА СКАЛОНА В ДЕЛО ОХРАНЫ ПРИРОДЫ СИБИРИ И ЗАЩИТУ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА

Ф.Р. Штильмарк

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Общеизвестна широта и разносторонность научных интересов В.Н. Скалона. И если в справочнике А.В. Краснопольского «Отечественные географы» (т. 2, 1993) ученый обозначен как «зоолог, зооге-

ограф и охотовед» (с. 314), то более развернутый перечень научных «ипостасей» Скалона выглядел бы, по нашему мнению, так — ЗООЛОГ, ОХОТОВЕД, ИСТОРИК, ГЕОГРАФ и КРАЕВЕД, ЭТНОГРАФ, ЭКОЛОГ. К тому же еще и яркий публицист, автор более пятисот книг и статей, как на русском, так и на других языках, которыми он владел в совершенстве.

Уже вторая по счету публикация В.Н. Скалона — «Весенние хищники» в журнале «Охотник и пушник Сибири» (1927, № 5) касалась проблем браконьерства, т. е. одного из наиболее острого для Сибири аспекта охраны природы. Будучи по своей натуре не только законопослушным гражданином, но и патриотом (в исходном, а не современном смысле слова), а также в определенной степени моралистом, Василий Николаевич даже в молодости был не в состоянии спокойно взирать на явное нарушение общественных устоев и правил, тем более, в дорогой его сердцу сфере природопользования ценного зверя. Он ратовал за рациональное освоение природных ресурсов, пропагандировал знаменитый принцип таежников-аборигенов «КОТЕЛ-МЕРА», символизирующий именно то, что теперь называется «устойчивым развитием», а проще говоря — разумное ограничение при пользовании природными благами. К сожалению, в период сталинского и брежневского «социализма» такой подход противоречил плановой системе, нацеленной на «максимальное удовлетворение постоянно растущих потребностей», поэтому советские чиновники зачастую упрекали коренных таежников в мнимой «лености», заставляли их не только выполнять, но и интенсивно перевыполнять планы по добыче рыбы, пушнины, мяса и других таежных ресурсов. Все это, как и следовало ожидать, привело в большинстве случаев к их подрыву и оскудению, о чем с болью и горестью не раз писал В.Н. Скалон. Во многих его статьях и очерках красной нитью проходит тема рационального природопользования и всемерного сбережения природных ресурсов; прозвучала она и в одной из основных его монографий (Скалон В.Н. Речные бобры Северной Азии. М., 1951), ставшей докторской диссертацией. Но наиболее ярко эта тематика отразилась в двух одновременно изданных книгах — «Организация охотничьего хозяйства Сибири» и «Охраняйте природу», которые вышли в свет в 1957 году в Иркутске (дата указана по авторским первоисточникам). И тогда, и еще не раз в последующем ученый констатировал неразрывность и единство проблем охотхозяйства и охраны

природы. Надо учитывать, что в то время в советском обществе еще господствовало «передовое мичуринское учение» с его лозунгами насилия над природой, а в охотоведении преобладали биотехнические и акклиматизационные веяния, требующие коренной перестройки и преобразования фауны. Именно В.Н. Скалон первым открыто противопоставил им тезис о том, что живая природа нашей страны богата и прекрасна, причем требует она вовсе не «великих потрясений», а всего лишь заботы, сбережения и рачительного хозяйствования. Обращаясь к полемике двух «школ» — московской, точнее, балашихинской, во главе которой стоял П.А. Мантейфель, и иркутской, возглавляемой В.Н. Скалоном — мы понимаем сегодня, что они дополняли друг друга, однако надо учитывать, что за первой из них (биотехнической) стояла поддержка не только ведомств, но и ВЛАСТИ, тогда как вторая (охотэкономическая) базировалась лишь на энтузиазме Василия Николаевича и некоторых его последователей. Само понятие «ОХРАНА ПРИРОДЫ» в то время только еще входило в жизнь, постепенно набирая силу. Поэтому книга Скалона, написанная убедительным и доходчивым слогом, приводившая наглядные примеры (за каждый из них автору приходилось бороться с редакторами и цензурой!), имела очень большое значение не только для сибирского региона. Вскоре в Иркутске впервые состоялась большая конференция по охране природы Сибири, после чего эта тема приобрела подлинную значимость.

Особое место в ней занимают, как известно, наши государственные заповедники, представляющие собой как бы передовую линию в природоохранном деле, наиболее реальную его форму. В.Н. Скалон непосредственно соприкоснулся с заповедным делом в 1937—1938 гг., когда стал заместителем директора по науке Кондо-Сосвинского заповедника. Почти сразу же стали появляться его публикации на эту тему, в частности, статья «К вопросу об организации заповедников в Якутии» (1939), сохраняющая, как это ни печально, актуальность и в наши дни (предложения В.Н. Скалона в конце 1940-х гг. были одобрены Советами Министров Якутии и РСФСР, но не осуществились из-за разгрома заповедной системы в 1951 г.). Годом позже Василий Николаевич предложил присоединить к Алтайскому заповеднику верховья Большого и Малого Абакана (Хакасия), что и было сделано (сейчас ситуация несколько иная). В 1949 г. была опубликована статья В.Н. Скалона «Об организации Витимского заповедника», в

которой он писал о необходимости создания заповедных мест вокруг озер Орон и Нечатка как замечательных памятников природы и мест обитания ценных животных. Призыв ученого был услышан уже в годы строительства БАМа, хотя в пределы Витимского заповедника, созданного в 1981 г., не удалось, к сожалению, включить ценнейшее озеро Нечатка, расположенное в Читинской области (я побывал там в 1976 г.).

Когда в конце 1960-х годов были предприняты попытки восстановить ликвидированный в 1951 г. Кондо-Сосвинский заповедник, В.Н. Скалон был одним из самых настойчивых его сторонников. Совет Министров РСФСР в 1970 г. отклонил проект создания нового заповедника «Малая Сосьва», но благодаря настойчивости научной общественности, в частности Василия Николаевича, все же удалось настоять на создании своего рода заповедного «мемориала» площадью 92 тыс. га, позднее расширенной до 225 тыс. га. В.Н. Скалон был и одним из инициаторов организации заповедника «Азас» для сбережения очага аборигенных бобров в Туве, он постоянно поддерживал контакты с другими заповедниками, активно помогал К.П. Филонову, а также автору этой публикации в сборе различных материалов. Вместе с тем в последние годы жизни Василий Николаевич стал скептически относиться к заповедникам, считая, что в них отсутствует должный режим охраны. Увы, в настоящий период эти опасения еще более реальны.

Уже в конце жизни В.Н. Скалон с юношеской активностью включился в борьбу за охрану природы в зоне БАМ. Он стал председателем совета по охране природы при Иркутском обкоме ВЛКСМ (все его общественные звания и нагрузки невозможно перечислить). Вместе с Т.Н. Гагиной он разработал подробные методические указания по таежному природопользованию для строителей, которые были распространены через молодежные организации. Газета «Комсомольская правда» опубликовала его острую статью «Стань часовым природы», нашедшую отклик среди бамовцев. Опубликованная в декабре 1974 г. в газете «Известия» полемическая статья Т. Гагиной, В. Скалона и Ф. Штильмарка «Берегите тайгу!» (Размышления об охране природы на трассе БАМ) привлекла к себе внимание настолько, что Главлит (официальная цензура) дал негласное указание о запрете дальнейших публикаций на тему охраны природы БАМа и Байкала. Летом 1975 г. мне довелось проводить в Иркутске специальную

конференцию по охране природы зоны БАМ, в которой В.Н. Скалон принял самое непосредственное участие. Мы написали тогда письмо-обращение в Совет Министров РСФСР об организации Витимского и Байкало-Ленского заповедников, но их проектирование было проведено уже после кончины ученого. Не будет преувеличением сказать, что В.Н. Скалон боролся за дело охраны природы всю свою творческую жизнь.

Что касается темы защиты В.Н. Скалоном интересов малых народностей Сибири и Севера, то она проистекает из хорошего знания ученым образа жизни и традиционных форм хозяйства аборигенов тайги и тундры. Опытный полевик, В.Н. Скалон в 1920—1940-х годах проводил много времени с охотниками и рыбаками Западной и Средней Сибири, Таймыра, Якутии, он отлично знал быт и промысловое хозяйство эвенков, селькупов, долган, якутов и других представителей малых народностей, посвятив этой тематике множество публикаций этнографического характера, таких как «В тундре Верхнего Таза» или «Писанные люди» (1931), уделяя внимание не только специальным вопросам, но даже фольклору. Позднее он ратовал за постоянное преподавание охотоведам основ этнографии, внушал своим ученикам и другим слушателям чувство глубокого уважения к представителям малых народностей. Автор данной статьи испытал все это лично на себе, после того как провел промысловый сезон в тайге Верхоленья с эвенками из охотартели имени Сталина (деревня Муринья в Качугском районе, ныне, увы, уже не существующая).

Не будет преувеличением назвать Василия Николаевича Скалона подлинным рыцарем не только сибирского охотоведения и охраны природы, но и спасителем аборигенов Сибири перед надвигающейся цивилизацией. В связи с этим надо учитывать, что понятие «БИОРАЗНООБРАЗИЕ» относится отнюдь не только к фауне и флоре, но и к человеческому сообществу.